

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

23 ОКТЯБРЯ.

№ 43

1911 ГОДА.

Святитель Тихонъ Задонскій.

(Посвящается воспитанникамъ Воронежской Д. Семинаріи, которымъ и было прочитано 5 октября 1911 года).

Въ лѣтнемъ соборѣ Задонской обители, гдѣ почиваютъ мощи Св. Тихона, на западной стѣнѣ нарисована такая картина: простая, крестьянская изба; около нея, у дверей, стоитъ въ скромномъ одѣяніи монахъ, окруженный сѣрымъ крестьянскимъ людомъ. Монахъ что-то говоритъ; всѣ слушаютъ его съ большимъ вниманіемъ. Невольно засмотришься на эту картину: лица здѣсь, какъ живыя. Всмотриваешься въ монаха и сколько любви, какой то тихой, согревающей, спокойной любви, любви неземной видишь въ его очахъ!

Кругомъ него сѣрый крестьянскій людъ, съ своимъ горемъ, съ своимъ сомнѣніемъ въ правдѣ... а онъ, этотъ монахъ... какъ умиротворяющій свѣтъ лампы предъ образомъ Спасителя, его кроткіе очи глядятъ на пришедшихъ, касаясь своими лучами самыхъ сокровенныхъ тайникомъ ихъ души. Умилительно хороша картина!

Но кто же это за монахъ? *Это—Св. Тихонъ Задонскій.*

Всякій, кто бывалъ въ Задонскѣ и особенно 13. Августа въ день памяти Святителя, не можетъ не согласиться, что художникъ изобразилъ Святителя вѣрно. Да, *Св. Тихонъ—народный Святитель.* Въ самомъ дѣлѣ, что это значитъ, что народъ ежегодно тысячами, со всѣхъ концовъ обширной нашей матушки Руси, посѣщаетъ Задонскъ, чтобы поклониться мощамъ Св. Тихона?

Что это значитъ, что народъ, именно простой, сѣрый народъ ежегодно несетъ въ Задонскую обитель иногда послѣдній свой трудовой грошъ? Что это значитъ, что крестьяне Задонскаго, Землянскаго и другихъ близъ лежащихъ уѣздовъ считаютъ своимъ неперемѣннымъ долгомъ нести, какъ они говорятъ, *своему Угоднику—Св. Тихону* что-нибудь изъ своего имѣнія: овцу, гусей, рожь, муку, печеный хлѣбъ, даже лошадь и т. д.? Да, въ лицѣ Св. Тихона простой народъ видитъ своего, *родного человека*,—того, кто понималъ его, кто скорбѣлъ его скорбями, кто всегда отзывался на всякое его несчастье, кто всегда дѣлился съ нимъ всѣмъ, чѣмъ только могъ. Простой народъ помнить, какъ относился къ нему при жизни своей Св. Тихонъ,—помнить и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрить, что и теперь, по смерти своей, Святитель относится къ нему также. Народъ не забываетъ *своего* Святителя; даже больше, онъ считаетъ его какъ бы самымъ дорогимъ и близкимъ, самымъ старшимъ и неперемѣннымъ членомъ своего семейства, почему и несетъ ему известную долю отъ своего, иногда очень скуднаго, имѣнія.

Вся жизнь Св. Тихона отъ первыхъ дней его колыбели до гробовой доски была жизнью самаго простого, но самаго наилучшаго, чисто-русскаго, православнаго христіанина. Вотъ предъ нами его дѣтство—бѣдное, сиротливое, горемычное дѣтство. Не рѣзвился и не гулялъ, подобно своимъ сверст-

никамъ, Св. Тихонъ — тогда Тимоѳеѣй — среди живописныхъ и лѣсистыхъ Валдайскихъ горъ. Рано узналъ онъ нужду. Отецъ — бѣдный дьячекъ въ бѣдномъ приходѣ села Короцка; но и онъ скоро умеръ. Нужда увеличилась — до игръ ли тутъ, до забавъ? И мальчикъ Тимоѳеѣй — берется за трудъ: ходитъ съ матерью и братьями на пашню, какъ на свою, такъ и на пашню богатыхъ односельчанъ. Трудъ, трудъ и трудъ, — трудъ крестьянскій для того, чтобы существовать. «*А какъ въ домѣ было ѣсть нечего, то я у богатаго мужика во весь день, бывало, бороню пашню, чтобы только богатый мужикъ хлѣбомъ накормилъ*»¹⁾, такъ говаривалъ нерѣдко Св. Тихонъ, вспоминая свое дѣтство. Но среди этого, подчасъ непосильнаго, ежедневнаго труда у мальчика Тимоѳеѣя былъ единственный отдыхъ, единственное удовольствіе — по праздничнымъ днямъ ходить въ церковь, и тамъ, ставъ на клиросѣ, пѣть и читать. „Дѣтскихъ игръ онъ обыкновенно избѣгалъ и любилъ говорить только о божественномъ, причемъ его отзывчивая душа горячо воспринимала всякую бѣду людскую, и лихую болѣзнь, и нищету непроходную... Въ воскресные дни и праздники маленькій Тимоѳеѣй, разрядившись въ новенькіе лапотки, раньше всѣхъ являлся въ короцкую церковь и бывалъ очень счастливъ, если ему удавалось или какъ-нибудь услужить священнику въ алтарѣ, или что-нибудь прочесть и пропѣть въ церкви“²⁾. Такимъ образомъ, трудъ и церковь, нужда дома и среди значительнаго большинства сосѣдей — вотъ что окружало Св. Тихона въ дѣтствѣ, вотъ что поило и кормило его. Такова въ дѣтствѣ жизнь и всего вообще русскаго, православнаго народа.

Однажды мать будущаго Святителя рѣшила отдать его

¹⁾ Творенія Св. Тихона Зад. т. 5, 1899 г.; Записки о Св. Тихонѣ, Чеботарева, стр. 4.

²⁾ Историческій Вѣстникъ, 1875 г.; Сентябрь, стр. 654.

богатому ямщику и уже было повела его къ нему—такъ сильна была нужда. Но старшій братъ не допустилъ этого: „я лучше съ сумою по міру пойду, а брата не отдамъ ямщику—постараемся обучить его грамотѣ, то онъ можетъ къ какой церкви въ дьячки или пономари опредѣлиться“¹⁾. Въ дьячки, или пономари..., т. е. таже полная нужды жизнь; но однако и такая жизнь, по мнѣнію старшаго брата Святителя, лучше и интереснѣе жизни богатаго ямщика. Въ дьячки, или пономари... во что-бы то ни стало: для этого „съ сумою по міру пойду“. Быть служителемъ церкви Христовой—вотъ идеаль, вотъ завѣтная мечта.

Бѣдный дьячекъ думаетъ не о томъ, чтобы братъ его былъ богачемъ; нѣтъ—пусть и онъ будетъ дьячкомъ, пусть будетъ и онъ, хотя и послѣднимъ, служителемъ церкви Христовой. Вотъ въ какой идеальной, чисто-христіанской семьѣ воспитывался нашъ Угодникъ. Все это, конечно, производило соотвѣтствующее впечатлѣніе на юную душу Святителя; а вѣдь „впечатлѣнія дѣтства неизгладимы: они навсегда кладутъ свою печать на душу „будущаго“ человека“.

„Малое деревцо“, говоритъ самъ Св. Тихонъ, „ко всякой сторонѣ удобно преклоняется, куды ни преклоняется, и куды преклонится, тако и растетъ. Тако имѣется юное и малое отроча: чего научается, того и навываетъ, то и въ прочее время творить будетъ“²⁾.

Мы видимъ, въ какую сторону наклонилось наше „малое деревцо“—мальчикъ Тимошей: *къ церкви Христовой*;—мы видимъ, среди какой обстановки оно растетъ: въ семьѣ бѣднѣйшихъ родителей, чисто русской, полной самопожертвованія, любви и церковности семьѣ.

Такъ прожилъ будущій Святитель до 14 лѣтъ, когда мать повела его въ Новгородъ опредѣлять въ Семинарію.

1) Творенія Св. Т.; т. 5, Записки Чеботарева, стр. 4.

2) Творенія. Т. 4, стр. 201.

Мать ведетъ своего сына учиться. Нужно представить себѣ, съ какими трудностями и лишеніями шла мать съ своимъ сыномъ въ Новгородъ! Да, корень ученія горекъ!...

Но вотъ, наконецъ, они добрались до Новгорода; здѣсь опять неудача—сына не принимаютъ въ школу и даже предназначаютъ его къ увольненію изъ духовнаго званія. Завѣтная мечта—быть хотя пономаремъ при церкви—уходитъ въ область лишь мечтаній: сколько горькихъ минутъ пережила въ это время мать Св. Тихона, а вмѣстѣ съ нею и онъ самъ, тогда впечатлительный и наблюдательный мальчикъ Тимошей! Хочется учиться, и вменно въ духовной школѣ, чтобы быть служителемъ церкви Христовой, а возможности нѣтъ!... Нѣтъ ли здѣсь, въ данномъ случаѣ, кому-нибудь изъ нашихъ матерей своего рода назиданія, упрека за то, что онѣ своихъ сыновей уводятъ изъ духовной школы и именно потому, что изъ духовной школы, какъ онѣ говорятъ, дорога лишь одна--- „въ попы“.

Послѣ долгихъ и усиленныхъ просьбъ мальчика Тимошея, наконецъ, принимаютъ въ школу. Это не наша, теще-решняя духовная школа, которая, хотя и подвергается разнымъ нападкамъ, порицанію, осмѣянію, въ общемъ все-таки имѣетъ нѣкоторыя удобства. Но та школа... сырая и холодная, буквально безъ всякихъ учебныхъ приспособленій, даже безъ надлежащаго освѣщенія, многолюдная въ нѣсколь-ко сотъ учащихся, при одномъ, или двухъ учителяхъ она, дѣйствительно, была своего рода тѣмъ рвомъ со львами, куда былъ брошенъ ветхозавѣтный отрокъ Даніиль. Безропотное сидѣніе отрока Даніила послужило къ вящей славѣ Истиннаго Бога; такъ и „сидѣніе“ отрока Тимошея въ суровой, тогдашней школѣ помогло ему окончательно склониться въ ту сторону, въ какую наклонила его любящая мать и церковно-настроенный братъ.

Мальчикъ Тимошей въ школѣ, затѣмъ въ Семинаріи;

онъ въ числѣ первыхъ лучшихъ учениковъ. Но жизнь для него таже, что и дома: полная нужды и труда.

Молодежь—всегда молодежь: въ большинствѣ она кричитъ, шумитъ, волнуется, бросается на разные удовольствія. Таковы были многіе изъ сотоварищей Св. Тихона. Но вѣрно кто-то сказалъ, что не такой молодежи принадлежитъ будущее, полное свѣта, правды, любви, а той молодежи, трудящейся истинной молодежи, которой не видно, не слышно, которая упорно, шагъ за шагомъ, настойчиво вырабатываетъ въ себѣ извѣстныя убѣжденія, извѣстные идеалы,—вырабатываетъ, несмотря ни на какія неблагоприятныя обстоятельства и условія. Таковъ безспорно былъ ученикъ Тимоѳеи Савельевъ, будущій Св. Тихонъ Задонскій. *«А я началъ продолжать ученіе и терпѣлъ великую нужду;... и такъ бывало: когда получу казенный хлѣбъ, то изъ онаго половину оставляю для удовольствія себе, а другую половину продамъ: куплю свѣчу, съ нею сяду на печку и читаю книжку»*¹⁾, такъ вспоминалъ годы своего ученія Св. Тихонъ. Жизнь среди холода и голода, среди насмѣшекъ веселыхъ товарищей; но все это ничто: „куплю свѣчу, съ нею сяду на печку и читаю книжку“. Вотъ гдѣ истинный ученикъ! Способенъ голодать и голодаетъ, лишь бы имѣть возможность больше и чаще читать книгу.

Да послужитъ онъ образцомъ, примѣромъ для многихъ нашихъ вообще учащихся, которые живутъ по принципу: „*primo vivere, deinde philosophare*“—сперва поѣсть, а затѣмъ уже и учиться.

Будущій Святитель, испытывая въ школѣ крайнюю нужду, вынужденъ былъ въ свободное отъ занятій время заниматься копать гряды къ огородникамъ.

¹⁾ Творенія Св. Тихона; т. 5; записки о его жизни Чеботарева стр. 4.

Копать гряды... лишь бы имѣть возможность оставаться и учиться въ школѣ. И все это переносится легко, безъ всякаго ропота: впереди вѣдь заманчивая мечта, впереди святой идеаль — быть служителемъ церкви Христовой.

Шестнадцать лѣтъ учился Св. Тихонъ въ Семинаріи; такъ долго онъ учился потому, что приходилось почти въ каждомъ классѣ сидѣть нѣсколько лѣтъ, такъ какъ слѣдующій классъ за неимѣніемъ учителя не открывался. Шестнадцать лѣтъ суровой школьной жизни среди книгъ, труда при ежедневномъ посѣщеніи Божьяго храма. 16 лѣтъ суровой школьной жизни въ оградѣ обителя Преподобнаго Антонія Римлянина. За это время онъ не только сумѣлъ сохранить добрыя качества своего дѣтскаго возраста, но прибрѣлъ еще и новыя: благодушное перенесеніе обидъ, терпѣніе, нетребовательность и простоту въ жизни.

Монастырь... подвижническая жизнь тогдашнихъ монаховъ... ежедневный и почти непрерывный колокольный звонъ... ежедневныя истовыя и продолжительныя богослуженія, чтеніе святоотеческой литературы. — все это производило впечатлѣніе на ученика Тимоѳея Савельева, все это заставляло его сердце биться особымъ біеніемъ... и вотъ у него окончательно созрѣваетъ пламенное желаніе всю свою жизнь, всецѣло, цѣликомъ отдать на служеніе Богу — онъ думаетъ о монашествѣ: „у меня мысли были непременно куда-нибудь удалиться въ пустынный монастырь, поступить въ монахи и проводить уединенную жизнь“¹⁾, такъ говорилъ онъ самъ.

Въ 1758 году онъ принимаетъ монашество съ именемъ Тихона. Прѣжнее „малое деревцо“, наклоненное съ дѣтства въ извѣстную сторону, теперь, такимъ образомъ, окон-

1) Тамъ же.

чительпо наклонилось въ ту же сторону и возросло, окрѣпло... Пройденъ тяжелый путь школьной жизни, пройденъ славно, съ пользою. Это, повторяемъ, не былъ путь веселья, ничего недѣланія: это былъ путь постоянной подготовки, самособранности, выработки въ себѣ непоколебимыхъ убѣжденій, твердыхъ, святыхъ идеаловъ. И это, безусловно, такъ и должно быть. Можетъ ли кто-нибудь изъ насъ вступить въ жизнь, сдѣлаться ея творцомъ, сдѣлаться общественнымъ дѣятелемъ, не имѣя внутри себя извѣстнаго багажа, не имѣя, такъ сказать, внутренняго удѣльнаго нравственнаго вѣса? Что же это за дѣятель? Ему если что и суждено, то лишь одни „благіе порывы“, свершить которые ему не дано: онъ не въ силахъ. Но вотъ тридцатилѣтній монахъ Тихонъ... съ ясными взглядами на жизнь, съ извѣстными твердыми убѣжденіями... О! Заранѣе можно сказать, что это будетъ великій общественный дѣятель. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

Св. Тихонъ мечталъ о жизни гдѣ-нибудь въ пустынномъ монастырѣ; но онъ былъ слишкомъ крупная и замѣтная величина, почему онъ и вызывается начальствомъ на общественное служеніе. Его назначаютъ учителемъ и префектомъ родной Новгородской Семинаріи, затѣмъ ректоромъ Тверской Семинаріи, викарнымъ епископомъ Новгородской епархіи и, наконецъ, его назначаютъ къ намъ, епископомъ въ Воронежъ. „Несмотря на свои молодые для епископскаго служенія годы (ему было 37 лѣтъ), Св. Тихонъ былъ уже вполне зрѣлый мужъ, прошедшій не только курсъ семинарскихъ наукъ, но и жизненную школу со всевозможными ея лишеніями, скорбями и трудами, закалившій въ этихъ послѣднихъ свою энергію и привыкшій къ разнаго рода самоограниченіямъ. Но, что важнѣе всего, Святитель былъ человѣкъ благочестиво настроенный, уже самъ прочно

стоявшій на томъ спасительномъ пути, по которому долженъ былъ вести свою богодарованную паству¹⁾.

Итакъ, *Св. Тихонъ—общественный дѣятель*,—дѣятель, по тогдашнему времени, своего рода единственный и исключительный. То время было временемъ всеобщаго увлеченія схоластикой, ложноклассицизмомъ, тогда о многомъ и очень хорошо говорили, но очень мало, или же совсѣмъ ничего не дѣлали, тогда между словомъ и дѣломъ, между мыслию и дѣйствительностію не было почти ничего общаго... И вотъ среди такого безвременья и безлюдья Св. Тихонъ, вмѣстѣ съ другими нѣкоторыми своими сверстниками, какъ человекъ съ твердыми, положительными, народными, чисто православными убѣжденіями, естественно выдѣляется: „онъ былъ человекъ преимущественно живого, практическаго направленія, у котораго мысль и дѣло не расходились, который не могъ успокоиться на однѣхъ только идеяхъ..., но неудержимо старался воплотить ихъ въ живой практикѣ“²⁾. „Между словомъ и дѣломъ, между убѣжденіемъ и ученіемъ, у него разницы не замѣчалось“³⁾.

Скромный и бѣдный ученикъ Тимоѳея Савельевъ—архимандритъ, Епископъ. Но, поднявшись на такую служебную высоту и такъ скоро по выходѣ изъ школы, онъ не забылъ, какъ другіе его собратья, своей прежней жизни и остался такимъ же, какимъ былъ въ школѣ—простымъ, другомъ близкаго ему народа, горячо симпатизировавшимъ жизни бѣдныхъ простолюдиновъ, прибѣжищемъ всѣхъ голодныхъ и холодныхъ. „Его шесть книгъ „объ истинномъ христіанствѣ“, которыя остались памятникомъ его богословскаго преподава-

1) Православный Собесѣдникъ, 1897 г., февраль, Кратировъ—Св. Тихонъ, какъ пастырь... стр. 204.

2) Прав. Собесѣдникъ, 1895 г., ноябрь-декабрь. Читенія изъ исторіи русской церкви, Знаменскаго, стр. 362—363.

3) Правосл. Собесѣдникъ, 1897 г., январь, Кратировъ—Св. Тихонъ .., стр. 107.

ніа въ тверской семинаріи, показываютъ, что его прямой, здравый и практическій умъ не былъ порабощенъ и испорченъ господствовавшей тогда въ богословіи схоластикой, не приучился къ пустой игрѣ въ одну діалектику; каждая страница этихъ книгъ свидѣтельствуєтъ, что онъ менѣе всего склоненъ былъ показывать фокусы богословской діалектики, а всегда имѣлъ въ виду лишь выяснить взятую для изученія богословскую мысль по разуму православной церкви, выяснить, какъ можно, короче, доступнѣе для всѣхъ, даже самыхъ простыхъ слушателей и кромѣ того сдѣлать эту мысль началомъ для ихъ жизни и дѣятельности. Слѣды такого направленія богословской науки мы замѣчаемъ почти у всѣхъ ученыхъ великоруссовъ того времени, старавшихся по возможности оживить богословіе послѣ вреднаго для него вліянія мертвящаго духа кіевской схоластики; но никто въ этомъ случаѣ не превзошелъ еще Св. Тихона, можно безъ преувеличенія сказать, даже доселѣ. Замѣчательно, что, имѣя въ виду религіозное образованіе народа, онъ едва ли не первый изъ нашихъ церковныхъ дѣятелей пришелъ къ мысли о необходимости перевести все Свящ. Писаніе на общедоступный русскій языкъ и даже приступилъ уже къ этому труду, но скоро оставилъ его, убоявшись соблазна для тѣхъ, которые привыкли къ славянскому переводу“¹⁾.

Скромный, ходившій не только дома, но и въ школѣ въ простыхъ, крестьянскихъ лаптяхъ, ученикъ Тимофей Савельевъ теперь въ архіерейской нарядной мантии. Но эта мантия не измѣнила его: онъ былъ въ высшей степени добрый и общедоступный архіерей, совершенно чуждый того вельможескаго духа, который проникалъ тогда въ отношенія къ паствѣ большей части другихъ архіереевъ. Это былъ по тогдашнему времени какой-то необыкновенный архіерей, успѣв-

¹⁾ Правосл. Собесѣдникъ, 1875 г. ноябрь-декабрь; цит. ст. Знаменскаго, стр. 364—365.

шій связать себя съ паствою какими то сердечными, почти семейными узами. А его отношенія къ духовенству? Забитое и загнанное, всѣми оскорбляемое, тогдашнее духовенство нашло въ немъ для себя старшаго брата-заступника: вѣдь онъ первый изъ нашихъ іерарховъ требовалъ отъ своихъ консисторскихъ и другихъ епархіальныхъ чиновъ уваженія къ духовному лицу, какъ служителю церкви Христовой; вѣдь благодаря ему, еще задолго раньше правительственныхъ указовъ, старавшихся смягчить суровый характеръ епархіальной администраціи, въ воронежской епархіи уже вовсе не слышно было о прежнихъ суровыхъ и унижительныхъ наказаніяхъ духовенству. Въ самыхъ наказаніяхъ виновнымъ служителямъ сквозь начальственные его распоряженія по требованію архипастырскаго долга видимъ глубокочеловѣчное, любовное отношеніе къ павшему собрату. Да, это былъ дѣйствительно „*милостивый архипастырь и отецъ*“.

Съ такою же любовью и отеческимъ вниманіемъ онъ относился и къ паствѣ, особенно къ простому, сѣрому народу, который по своему религіозно-нравственному состоянію находился на весьма низкомъ уровнѣ. Самоотверженный архипастырь Тихонъ всѣ силы употребляетъ на то, чтобы „вдунуть“ въ этотъ невѣжественный и грубый народъ „дыханіе жизни Божественной“. Съ этою цѣлью онъ пишетъ разныя посланія, ведетъ бесѣды... Не ограничиваясь этимъ, онъ является самъ въ дома горожанъ, когда требовалось его утѣшеніе, наставленіе, пастырское участіе въ обстоятельствахъ частной ихъ жизни; въ притоны бѣдности, въ тюрьмы онъ является въ рясахъ простого монаха съ утѣшеніемъ и богатою милостынею, на которую тратилъ все свое личное достояніе. Святитель никогда не забывалъ горемычнаго житія простого народа. Зная, какъ иногда безчеловѣчно помѣщички относятся къ своимъ крестьянамъ, онъ часто вставалъ на защиту послѣднихъ: „На баукеты и музыку“, говорилъ

онъ, направляя свою рѣчь противъ расточительныхъ дворянъ-помѣщиковъ, „весьма щедрою рукою сыплешь; а крестьянамъ, которые и послѣднюю скотину для платежа оброку продають, и мало спустить не хочешь. Псы, любезная твоя охота, насыщаются отъ трапезы твоея: а бѣдный твой слуга и хлѣба съ водою въ охоту поѣсть. Въ карты во едину ночь проиграть до ста рублейъ и болѣе,—это ничего: а на искупленіе плѣнныхъ и за долги въ темницѣ сидящихъ—и рубля жаль“¹⁾.

Себѣ въ помощники онъ старался приготовить кадры истинныхъ служителей Слова Христова; для этого онъ заводитъ школы, возобновляетъ семинарію, являясь въ одно и тоже время и ея главнымъ начальникомъ, попечителемъ, руководителемъ, и учителемъ, и даже экономомъ. Зная по собственному опыту, какъ дорого время и какъ много нужно готовиться къ жизни, онъ заботился, „чтобы лѣта учащихся“, какъ говорится въ одной его инструкціи ученикамъ²⁾, „напрасно не пропадали въ школѣ, паче же все въ пользу церкви святой и всему отечеству послѣдовало“. Онъ помнилъ тяжелые годы своего ученія, почему особенно внимательно относится къ бѣднымъ ученикамъ, помогая имъ и деньгами, и чѣмъ-нибудь изъ одежды.

Воронежская духовная Семинарія, открытая, какъ извѣстно, при Еп. Теофилактѣ, скоро прекратила свое существованіе, но *Св. Тихонъ снова вызываетъ ее къ жизни, поэтому мы, питомцы Воронежской Д. Семинаріи, должны съ особою любовью и признательностью относиться къ Великому Возобновителю и Славному Покровителю своей „alma mater“.*

Св. Тихонъ, вступивши на истинный путь спасенія,

1) Творенія. Т. 3. Стр. 115.

2) Архивъ Новгородской Дух. Семинаріи; связка старыхъ дѣлъ, гдѣ находится «Инструкція» Св. Тихона ученикамъ Новгородской Дух. Семинаріи.

звалъ на этотъ путь и другихъ, которые не могли его отыскать. Но желаемаго успѣха Святитель не получалъ: слишкомъ огрубѣло сердце тѣхъ, къ кому онъ обращался. Требовалось много усилій, самоотверженной работы, чтобы это огрубѣлое сердце отозвалось.

И вотъ Св. Тихонъ скоро приходитъ къ заключенію, что къ этому сердцу онъ подошелъ не съ того конца: нужно его предварительно узнать, нужно терпѣливо, чуткимъ ухомъ прислушаться къ его біенію и тогда уже лѣчить. Но отдаться этому всецѣло было нельзя: мѣшали разныя другія дѣла по управленію епархіей.

И вотъ Св. Тихонъ начинаетъ тяготиться епископской митрой; тамъ начинаетъ сказываться и физическое недомоганіе. Все это вмѣстѣ заставило его проситься на покой. Въ 1768 году онъ дѣйствительно и уходитъ на покой въ Толшевскій монастырь, а затѣмъ въ Задонскъ.

Одинъ житель г. Воронежа такъ записалъ объ отъѣздѣ Св. Тихона изъ Воронежа въ Толшевскій монастырь: „1768 годъ, Генваря 8 дня. Выѣхалъ Преосвященный съ Воронежа въ Толшевскій монастырь съ благовѣстомъ въ большой колоколъ и какъ изволилъ итти изъ покоевъ, былъ во всѣ колокола звонъ и какъ изволилъ прощаться, то едва могъ кто пребыть безъ слезъ. И по городу ѣхалъ, по всѣмъ приходамъ былъ звонъ“ ¹⁾. Такъ воронежцы провожали своего архипастыря—едва могъ кто пребыть безъ слезъ“: *воронежцы плакали...*

Св. Тихонъ въ тихомъ монастырѣ—исполнилась, такимъ образомъ, его мечта. „Но удалившись отъ кафедры, Св. Тихонъ скоро сталъ тревожно думать о томъ, что мало сдѣлалъ онъ для церкви и общества; дѣятельная и любящая

¹⁾ Фундам. библиотека Воронеж. Духовн. Семинаріи. Синодикъ Елисейевыхъ 1.1151.

душа его не могла выносить одного эгоистического аскетизма и оставаться безъ вліянія на другихъ“. И вотъ, „предаваясь монашескимъ подвигамъ, Св. Тихонъ и въ уединеніи своей келліи ревностно продолжастъ свое общественное служеніе. Въ его жизни какъ будто воскресло древнее цвѣтущее монашество, такъ хорошо умѣвшее соединять аскетизмъ съ общественною дѣятельностью“¹⁾.

Теперь, можно сказать, прежнее „малое деревцо“ совершенно окрѣпло, возросло въ громадное дерево, подъ вѣтвями котораго всякая изстрадавшаяся душа могла найти миръ, отраду, отдыхъ и прохладу отъ слишкомъ иногда палящихъ лучей солнца, т. е. отъ разныхъ жизненныхъ неудачъ и несчастій. И вотъ замѣчательно, въ то время, когда люди науки, засѣдая въ разныхъ учрежденіяхъ Петербурга, Москвы и т. д., ломали перья и исписывали много чернилъ и бумаги, рѣшая вопросъ о разныхъ реформахъ, преобразованіяхъ, когда составлялись разные указы, циркуляры, указы, когда даже думали создать какую то „новую породу людей“, въ тихомъ, заброшенномъ городкѣ Задонскѣ, вокругъ скромной, монашеской кельи толпятся ищущіе и жаждущіе жизненной правды. Здѣсь, около этой кельи, происходила реформа, преобразование, обновленіе человѣческой души; здѣсь создавалась „новая порода людей“: отъ этой кельи всякій уходилъ уже совершенно другимъ — чистымъ, бодрымъ, свѣтло смотрящимъ на свой жизненный, иногда крестный и тяжелый, путь. Задонскъ сдѣлался тѣмъ святымъ мѣстомъ, куда начинаютъ обращаться взоры всякой вѣрующей души и особенно русской, простой, народной души. *Въ Задонскѣ поселился великій духомъ человекъ — Тихонъ.* Всѣ шли къ нему учиться христіанской жизни, всѣ несли ему свои со-

¹⁾ Прав. Соб. 1875 г. Ноябрь-Декабрь; цит. статья Знаменскаго..., стр. 368.

мнѣнія, недоумѣнія, свое горе. И онъ всѣхъ принималъ, со всѣми бесѣдовалъ, разсылалъ письма, поученія, или же для пользы всякой христіанской души помѣщалъ свои мысли въ многочисленныхъ своихъ твореніяхъ. Напрасно мы стали бы искать въ этихъ твореніяхъ мыслей и выраженій, взятыхъ у Вольтера, Монтескье и т. д.: ничего подобнаго здѣсь нѣтъ—тамъ мысли собственнаго, вѣрующаго и любящаго сердца.

Особенно часто Святитель вступалъ въ простыя, душевныя бесѣды съ народомъ. „Здѣсь онъ одновременно и другихъ поучалъ и самъ поучался: другихъ поучалъ единому на потребу, а самъ обогащался опытностью, знаніемъ людей, знакомствомъ съ бытомъ обращавшихся къ нему лицъ, съ ихъ нуждами и потребностями.

Какъ врачъ тѣлесный, обращаясь постоянно между больными, достигаетъ совершеннѣйшаго знанія своего дѣла и научается скоро и правильно опредѣлять болѣзнь и съ успѣхомъ лѣчить ее, такъ и Св. Тихонъ, путемъ постояннаго общенія съ немощными духомъ людьми разныхъ классовъ и сословій, научился узнавать дѣйствительныя нужды паствы и пріобрѣлъ опытность въ ихъ духовномъ врачеваніи“¹⁾.

Если и прежде двери келіи Св. Тихона всегда были открыты для всѣхъ, то теперь особенно.

„Со всѣми, обращавшимися къ нему, онъ бесѣдовалъ одинаково охотно, не различая ни лѣтъ, ни возраста, ни состоянія, ни общественнаго положенія,—и съ юными и со старцами, и съ бѣдными и богатыми, и съ знатными и незнатными, съ мужчинами и женщинами, лишь бы только бесѣда эта была вызываема со стороны собесѣдниковъ его не празднымъ любопытствомъ и не другими какими-либо недостойными побужденіями, а искреннимъ желаніемъ душевной

¹⁾ Прав. Соб. 1897 г. Апрѣль; Кратировъ, стр. 519.

пользы и спасенія. Для каждаго онъ находилъ разговоръ, сообразный съ его поломъ, возрастомъ и состояніемъ. Съ молодыми говорилъ обыкновенно объ опасности страстей и свѣтскихъ развлеченій, съ старыми—о совершенномъ отверженіи отъ міра и упражненіи въ богомыслии, съ отцами—о воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія, съ дѣтьми—о почитаніи родителей. Каждому дѣлалъ приличное наставленіе и всегда подтверждалъ его изреченіями изъ Слова Божія и примѣрами изъ житій Святыхъ и исторіи Церкви. Въ своихъ наставленіяхъ Святитель никогда не вводилъ въ жизнь пасомыхъ такихъ заповѣдей, средствъ и препятствій къ выполненію которыхъ ему не были извѣстны изъ собственнаго опыта. Онъ требовалъ отъ нихъ только того, что было испытано имъ самимъ, въ благотворности чего онъ былъ убѣжденъ самъ. Мало того,—сознавая, что одно свойственно юношѣ, другое старцу; одно мужчинѣ, другое женщинѣ; одно богатому, другое бѣдному; одно больному, другое здоровому,—онъ не прилагалъ буквы закона ко всѣмъ съ одинаковою строгостью, не подгонялъ всѣхъ подъ одну мѣрку нравственнаго совершенствованія, но благодаря своей жизненной опытности и знанію людей, каждаго врачевалъ особымъ лѣкарствомъ, каждому предлагалъ только соответствовавшія ему требованія и предписанія¹⁾.

Св. Тихонъ вступалъ въ бесѣды не только съ тѣми, которые шли къ нему, но и самъ иногда искалъ случая быть всякому полезнымъ. Встрѣчались ли съ нимъ дѣти, онъ заговаривалъ съ ними о Богѣ, о почитаніи родителей; встрѣчались ли съ нимъ пріѣхавшіе по своимъ нуждамъ въ Задонскъ крестьяне, онъ и съ ними вступалъ въ разговоръ, спрашивая ихъ о нуждахъ, объ ихъ сердечныхъ расположеніяхъ и т. д.; а узнавши, каждый разъ давалъ соответ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 550.

ствующее наставленіе и совѣтъ... Иногда же Святитель уѣзжалъ изъ монастыря куда нибудь въ окрестное село, всюду являясь дорогимъ гостемъ. „Онъ никогда не возвращался въ келью, не сдѣлавши чего нибудь на душевную пользу тѣхъ, которыхъ онъ посѣщалъ: то онъ прекращалъ распри и несогласія, то смирялъ виновныхъ, то утѣшалъ страждующихъ и угнетенныхъ, то услаждалъ слухъ ихъ душеполезною бесѣдою ¹⁾. Всю свою пенсію въ 500 р. онъ раздавалъ немущимъ.

Вотъ за эту отзывчивость, доступность народъ и полюбилъ Смиреннаго Тихона. И память о немъ, какъ о любвеобильномъ добромъ учителѣ, вѣчно будетъ жить въ сердцахъ простого нашего народа.

Когда разнеслась печальная вѣсть, что Св. Тихонъ умеръ, то всѣ его многочисленные ученики и почитатели поспѣшили въ Задонскъ. Одинъ современникъ такъ записалъ объ этомъ: „1783 года, 13 августа—на разсвѣтѣ преставился Преосвященный *Тихонъ Епископъ Смиренный* въ Задонскомъ монастырѣ, погребенъ въ томъ же Задонскомъ монастырѣ Преосвященнымъ Тихономъ Епископомъ подъ алтаремъ сего 20 августа съ большою свитою какъ монаховъ, а особливо священниковъ болѣе 100 человекъ, дворянства и *протчева народу невмѣстительно* было“ ²⁾. „Народу невмѣстительно было“, т. е. очень и очень много. И это понятно: въ почившемъ простой народъ терялъ своего учителя, своего покровителя и защитника. Отдать послѣдній долгъ своему отцу и собрался въ такомъ огромномъ количествѣ благодарный простой народъ...

Россія уже давно раздѣлилась на два лагеря: на интеллигенцію и народъ. Дѣлались и дѣлаются частыя попытки

¹⁾ Тамъ же, стр. 551.

²⁾ Фунд. библ. Воронеж. Духов. Сем. Синодикъ Елисеѣвыхъ. (рукопись) 1.1151.

со стороны интеллигенціи сблизиться съ народомъ. Припомните, такъ называемое, хожденіе въ народъ, припомните народниковъ, о которыхъ писалъ Тургеневъ. Въдъ все это хожденіе, всѣ вообще попытки интеллигенціи сблизиться съ народомъ кончались полными неудачами. Почему же? Да потому, что все дѣлалось и дѣлается въ данномъ случаѣ не съ того конца. Начитавшись Маркса, Бебеля и другихъ словесныхъ произведеній разныхъ западныхъ боговъ, интеллигенція идетъ въ народъ, стараясь сблизиться съ нимъ. Но напрасно: западные боги непонятны и чужды, именно чужды нашему простому народу. И потому нашимъ народникамъ нужно идти не съ Бебелемъ, Марксомъ, Лоссалемъ и т. п. въ головѣ, а съ тѣмъ же, съ чѣмъ шелъ къ народу и Св. Тихонъ.

Г.г.! Большинство изъ васъ пойдетъ въ народъ, въ качествѣ учителя и руководителя его—пусть же для вашей дѣятельности въ народѣ образцомъ является Св. Тихонъ, этотъ его истинный „учитель жизни“, который умѣлъ сказать ему его правду, который далъ ему примѣръ праведной и святой жизни, который научилъ его жить, терпѣть и молиться. И тогда народъ пойметъ васъ и пойдетъ къ вамъ съ своимъ горемъ, съ своими думами; будетъ прислушиваться къ вашему голосу—тогда вы будете для него истиннымъ и роднымъ учителемъ...

Наша гордость И. С. Никитинъ, находясь уже на смертномъ одрѣ, зачитывался твореніями Св. Тихона и нерѣдко повторялъ: „Вотъ это я понимаю! Вотъ она гдѣ правда то“! ¹⁾ Да, въ твореніяхъ Св. Тихона—правда, та великая и глубокая правда, которая всегда нужна всѣмъ...

Тихонъ Олейниковъ.

1911 года. 5 октября.

¹⁾ Сочиненія И. С. Никитина съ біографіей..., т. 1, 1908 г., стр. 157.

ЮБИЛЕЙНЫЙ АКТЪ

въ память 50-лѣтія со дня открытія св. мощей Свят. Тихона.

5 октября въ актовомъ залѣ Братства Свв. Митрофана и Тихона, въ половинѣ 7 часа пополудни, состоялся юбилейный вечеръ. Вечеръ устроенъ для учениковъ двухклассной Митрофановской монастырской школы. Къ нимъ присоединились воспитанницы Александровскаго пріюта. На вечеръ было много и посторонней публики.

Юбилейный актъ начался пѣніемъ молитвы: „Царю Небесный“.

Законоучитель Митрофановской школы, священникъ А. Кременецкій, взоидя на кафедру, сказалъ вступительную рѣчь о юбилейномъ торжествѣ въ г. Задонскѣ 13 августа. Заключилъ свою рѣчь о. А—ръ такъ. „Дѣти! Святитель Тихонъ невидимо присутствуетъ здѣсь съ нами. Онъ съ любовью взираетъ на васъ. Святитель при жизни своей любилъ дѣтей. Бывало, соберетъ онъ ихъ вокругъ себя, благословитъ ихъ, приласкаетъ и станетъ учить ихъ и наставлять на умъ-разумъ. Училъ онъ дѣтей молитвамъ; наставлялъ ихъ, чтобы они ходили въ церковь и почитали родителей, слушались старшихъ, чтобы не ссорились, не обижали другъ друга, не божились, не лгали, не бранились нехорошими словами и не брали ничего чужаго. Дѣти! если вы будете исполнять наставленія Святителя Тихона, о которыхъ я сейчасъ сказалъ, Святитель будетъ всегда васъ любить, будетъ благословлять васъ и помогать вамъ во всѣхъ вашихъ добрыхъ дѣлахъ, и вы, когда придете въ возрастъ, будете хорошими и счастливыми въ жизни людьми. Помогите же вамъ Угодникъ Божій, Святитель Тихонъ! Помолитесь Ему.

Отслуженъ былъ законоучителемъ краткій молебенъ. Пѣли всѣ ученики Митрофановской школы подъ управленіемъ учителя той же школы, П. П. Лучкина.

Послѣ молебна о. А—ръ прочиталъ жизнеописаніе Св. Тихона. Чтеніе было иллюстрировано превосходными свѣтовыми картинами. Когда окончено было чтеніе о жизни и дѣятельности Святителя, на кафедрѣ появился ученикъ Митрофановской школы и прочелъ стихотвореніе Воронежскаго поэта Степанова: „Свѣточъ земли Русской, Тихонъ святой“. По прочтеніи же брошюры о прославленіи Святителя, на кафедрѣ появился другой мальчикъ Рейнгардъ и прочелъ стихотвореніе Воронежскаго-же извѣстнаго поэта, Ѡ. С. Игнатова: „Ужъ полстолѣтія минуло“. Когда прочтено было стихотвореніе, ученики Митрофановской школы, хоромъ, въ 176 голосовъ, пропѣли этотъ-же гимнъ, положенный на ноты учителемъ П. П. Лучкинымъ. По окончаніи гимна, на кафедре взошелъ ученикъ Митрофановской школы А. Ляшковъ и выразительно прочелъ стихотвореніе—молитву Святителю Тихону. Въ этомъ стихотвореніи дѣти просятъ Святителя помолиться предъ Престоломъ Всевышняго о Церкви Святой, чтобы въ ней обитали и миръ и покой, чтобы Господь посылалъ ей пастырей добрыхъ; просятъ помолиться о Царѣ, Царицахъ и всей Царской Семьѣ,— о Ихъ здравіи и благоденствіи. Стихотвореніе-молитва оканчивается слѣдующими двумя четверостишіями:

„Усердно мы молимъ Тебя, наконецъ,
Всещедрому Богу о томъ помолиться,—
Наставниковъ добрыхъ давалъ-бы Творецъ
Намъ въ школы, а дѣтямъ прилежно учиться.
Угодниче Божій, Святитель Христовъ!
Мы—дѣти зываемъ къ Тебѣ съ умиленьемъ:
Услышь насъ, не презри и наши моленья,
Да будетъ надъ Русью святой Твоей покровъ!“

На экранѣ появился портретъ Государя Императора Николая II, всѣ поднялись съ мѣстъ и съ воодушевленіемъ пропѣли народный гимнъ: „Боже, Царя храни“,—чѣмъ и

и закончился юбилейный актъ, въ память 50-ти лѣтїя со дня открытія Святыхъ мощей Святителя Тихона. Этотъ вечеръ произвелъ сильное и благотворное впечатлѣніе на дѣтей и никогда не изгладится изъ ихъ памяти.

С. А. К.

5-е Октября

въ Задонскѣ Тихоновскомъ духовномъ училищѣ.

Въ августѣ мѣсяцѣ Задонскъ привлекалъ къ себѣ особое вниманіе какъ Воронежской епархіи, такъ и благочестивыхъ сыновъ Россіи, какъ центръ юбилейныхъ торжествъ по случаю исполнившагося 50 лѣтїя со дня открытія мощей Святителя Тихона и въ обители, въ которой Угодникъ Божій, „по трудѣхъ странствїя земнаго сладцѣ почившій въ небесныхъ селенїяхъ“ (Акаѳ. Св. Тих. Ик. 11), явился „живоноснымъ источникомъ, изливающимъ благодать исцѣленій отъ всечестныя раки своея“ (Ик. 12), по этому случаю собрались вѣрныя чада Церкви Христовой во главѣ съ сонмомъ Архипастырей и пастырей, дабы, прославивъ Бога дивнаго во святыхъ своихъ, помолиться Угоднику Божію въ радостномъ умиленіи отъ тѣхъ торжествъ, какими было почтено святое имя его.

Прошли эти свѣтлые и святые дни „шира вѣры“ и грустно стало на душѣ, когда, послѣ восторженнаго подъема духовнаго, пришлось снова погрузиться въ обыденную, многомятежную, суетную жизнь.

И хотѣлось утѣшить себя, что пережитыя торжества, хотя и не въ такой чудной обстановкѣ, когда, казалось, вмѣстѣ съ Задонскомъ ликовало и самое небо, найдутъ себѣ отголосокъ въ день 5 октября, когда, по программѣ празднованія юбилея, по Воронежской епархіи должны быть

устроены акты въ честь Святителя въ учебныхъ заведеніяхъ.

Естественно, что и въ этомъ случаѣ вниманіе благочестивыхъ почитателей памяти Святителя Тихона будетъ заинтересовано, какъ пройдетъ этотъ день и назначенный въ немъ актъ въ Задонскѣ и именно въ духовномъ училищѣ, по тѣсной связи съ памятью Угодника и переименованномъ отнынѣ въ „Тихоновское“.

Объ этомъ то актѣ и хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ, удовлетворяя вполне понятному любопытству.

Въ день 5 октября, когда въ Задонскѣ совершается торжество перенесенія мощей изъ холоднаго Владимірскаго въ теплый Рождество-Богородицкій храмъ, во время крестнаго хода съ Мощами во главѣ его была преднесена Икона Святителя, сооруженная Духовнымъ Училищемъ ко дню 50-лѣтняго юбилея, окруженная воспитанниками подъ надзоромъ училищнаго начальства.

Самый актъ, назначенный въ 6 час. вечера, за тѣсной училищнаго помѣщенія и дабы сдѣлать его общедоступнымъ, былъ устроенъ въ залѣ Земской Управы, но, къ сожалѣнію, и это помѣщеніе не могло вмѣстить всѣхъ желающихъ и доступъ публики былъ ограниченъ тѣми, кто былъ почтенъ любезнымъ приглашеніемъ г. Смотрителя училища.

Къ 6 час. вечера залъ Земства былъ уже переполненъ воспитанниками училища и публикой. Въ углу возвышалась большая Икона Святителя, виновника торжественнаго собранія. Въ 6¹/₄ ч. прибылъ почетный блюститель училища Настоятель Обители Святителя Тихона Архимандритъ Наѳанайлъ съ проживающимъ на покоѣ Архимандритомъ Теофилактомъ, бывшимъ нѣкогда, въ бытность его іеромонахомъ, духовникомъ училища, и юбилейный актъ былъ открытъ по слѣд. программѣ:

1-е Отдѣленіе.

Тропарь Святителю Тихонѹ.

1) Очеркъ жизни и дѣятельности Св. Тихона. Излож. Препод. Я. В. Поташевъ.

2) Избранный Угодниче Христовъ.) Музыка свящ. Ст.

3) Ужъ полстолѣтія минуло.) Пчелинцева.

Исполн. соединенный хоръ пѣвчихъ монастырскихъ и Успенскаго Собора подѣ управл. свящ. Ст. Пчелинцева.

4) Святитель. Стихотв. Надсона. Чит. уч. Шевченко.

5) Sanctus Dominus. (Святъ, Господь Саваоѣ). Муз. Бетховена. Исполн. свящ. Пчелинцевъ подѣ аккомпан. рояли. Онъ же сверхъ программы исполнилъ „Творецъ міровъ, Всевышній Богъ“...

6) Новый Завѣтъ. Стих. Никитина. Чит. уч. Лямзинъ.

7) Ликуй, Задонская Обитель. [Музыку для дѣт. хора переложилъ свящ. Пчелинцевъ.

8) Боже нашъ. [Муз. Монюшко.

9) Славься, славься. Муз. Глинки. Исполн. ученики подѣ аккомп. фисъ-гармоніи.

10) Надпись въ Евангеліе. Стих. К. Р. Чит. учен. Тимоѣевъ.

11) Боже, люби Царя. Муз. Глинки

12) Свѣтлой радостью горя. Муз. Главача.)

Исполн.

соединен. хоръ подѣ управ. свящ. Пчелинцева.

2-е Отдѣленіе.

1) Отъ юности возлюбилъ еси. Муз. Степанова. Исполн. хоръ Успенскаго Собора подѣ управл. регента Стольныхъ.

2) Любите другъ друга. Стих. Чит. уч. Георгіевскій.

3) Спаситель. Стих. К. Р. Чит. уч. Марковскій.

4) Тебе, Бога, хвалимъ. Исполн. монастырскій хоръ подѣ управл. іеромонаха Теофана.

5) Важнѣйшія событія изъ жизни Св. Тихона, изложенныя въ стихахъ ученикомъ Новгород. Духовнаго училища Братановскимъ. Читали ученики: Аскоченскій, Чурсинъ, Кононовъ и М. Поповъ.

6) Святителю Тихоне, Угодниче Божій. Кантъ. Состав. и полож. на ноты (solo для тенора перелож.) свящ. Ст. Пчелинцевъ. Исполн. А. П. Просьянниковъ и соединенный хоръ подъ упр. Свящ. Пчелинцева.

7) Ты побѣдилъ, Галилеянинъ. Стих. К. Р Чит. уч. Тимоѳеевъ.

8) Легенда о чашѣ. Стих. Фруга. Чит. уч. Кодуновъ.

9) Великъ нашъ Богъ. Муз. Глипки. Исполн. соединен. хоръ подъ управл. Свящ. Ст. Пчелинцева.

10) Всѣ люди-братья. Стихотв. Плещеева. Чит. уч. Шишловъ.

Боже, Царя храни.

Съ глубокимъ вниманіемъ и чувствомъ духовнаго удовлетворенія слушала публика пѣніе и чтеніе актовой программы и, казалось, духъ Святителя Тихона незримо парилъ въ сердцахъ, казалось, что исполняется молитвенное призываніе Святителю, чтобы онъ и по смерти любилъ насъ тою же любовію, которою любилъ при жизни (Молитв. 1), такъ какъ вложилъ добрую и святую мысль организаторамъ акта дать слушателямъ снова возможность отрѣшиться на время отъ житейскихъ попеченій и побыть въ духовномъ общеніи съ добрѣйшимъ Святителемъ въ родной ему сферѣ молитвеннаго настроенія и чуткое ухо вѣры какъ бы слышало его небесный призывъ св. апостола „подобне мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу“.

Весьма удачный подборъ духовныхъ пѣснопѣній и стиховъ и безукоризненное ихъ исполненіе, награждаемая въ свое время усердной похвалой, заслужили глубокую благодарность публики, которой жаль было покидать залъ, гдѣ она

около 3 часов пережила такъ много духовно-восторженныхъ чувствъ, гдѣ, думалось, самъ Святитель съ кроткой улыбкой небесной радости на свѣтломъ лицѣ своемъ, какъ „ангелъ земной и человекъ небесный“ (Ик. 1), призывалъ всѣхъ ко взаимообщенію и братству.

Окончился актъ въ 9 час. веч. Предъ пѣніемъ народнаго гимна г. Смотритель обратился съ выраженіемъ благодарности къ публикѣ, почтившей актъ училища своимъ присутствіемъ; но еще болѣе должны задонцы благодарить г. Смотрителя и училищную корпорацію, что они дали намъ возможность обновить то впечатлѣніе, какое осталось въ насъ отъ незабвенныхъ августовскихъ дней.

Нельзя не выразить и особой благодарности преподавателю пѣнія въ училищѣ о. Стефану Пчелинцеву, который, помимо того, что составилъ и переложилъ на ноты многія пѣснопѣнія (особенно дивенъ былъ его кантъ во 2-мъ отдѣленіи „Святителю Тихоне, Угодниче Божій“...) и управлялъ хоромъ, выступалъ и единолично съ своимъ исполненіемъ подъ аккомпаниментъ рояли Sanctus Dominus и „Творецъ міровъ, Всевышній Богъ“...

Всѣмъ воспитанникамъ училища были розданы Икона Свят. Тихона, житіе его и по изрядному пакету гостинцевъ — разныхъ сластей.

На задонцевъ, не такъ то избалованныхъ общественными удовольствіями, настоящій актъ произвелъ самое отрадное впечатлѣніе и, получивъ высокое духовное наслажденіе, они выразили невольное желаніе, чтобы Училище хотя изрѣдка устраивало подобныя общественныя выступленія.

Это, скажемъ и мы, было бы полезно и для самой, такъ нынѣ гонимой, духовной школы, какъ показатель ея роста и развитія.

С Л О В О

по случаю пятидесятилѣтія со дня кончины поэта И. С. Никитина ¹⁾.

Въ настоящій день здѣсь, подъ сѣнью этого храма, съ особенною торжественностію творится молитвенное воспоминаніе о народномъ поэтѣ, покойномъ Иванѣ Саввичѣ Никитинѣ, со дня кончины котораго минуло нынѣ пятьдесятъ лѣтъ. Подобно Воронежскому пѣвцу народа Кольцову, Никитинъ тоже уроженецъ Воронежа и вышелъ изъ простой мѣщанской среды.

Неблагопріятныя условія жизни этой среды много помѣщали правильному и нормальному развитію поэтическаго таланта Никитина. Нужно сказать, что рѣдко надъ головой одного человѣка собирается разомъ столько мрачнымъ тучъ, сколько собралось ихъ надъ головой Никитина. Тутъ и семейныя неурядицы, житейскія дразги, и непокрытая бѣдность, и общественная отчужденность—все составляло тяжелую округу нашего поэта и все это мрачно отразилось какъ на характерѣ личности самого Никитина, такъ и на характерѣ его „творчества“, которое по преимуществу носитъ на себѣ печать глубокой грусти, скорби и страданій. Тѣмъ не менѣе давно уже признано, что поэтическій талантъ Никитина несомнѣнный и притомъ талантъ крупный; имя его занимаетъ хотя скромное, но въ тоже время замѣтное мѣсто въ нашей литературѣ; немалое число его произведеній стоять даже на ряду съ лучшими произведеніями отечественной словесности. Поэтому вспомнить о Никитинѣ въ настоящій юбилейный день его кончины, особенно согражданамъ покойнаго, весьма естественно и отмѣтить память о немъ особымъ праздникомъ вполне законно.

¹⁾ Провнесено въ Троицкомъ Каѳедральномъ Соборѣ, при Архіерейскомъ служеніи.

Но при всемъ томъ является желаніе спросить: въ чемъ же именно заключаются заслуги Никитина, какъ поэта? какія чувства и настроенія могутъ пробуждать и пробуждаютъ его поэтическія творенія? какіе онъ выставляетъ въ нихъ идеалы, которые бы подымали въ высь общественное самосознаніе и удовлетворяли высшимъ его стремленіямъ и потребностямъ?

Мы не предполагаемъ, однако, бр., входить въ обстоятельное изслѣдованіе намѣченныхъ вопросовъ; по этимъ вопросамъ, нужно думать, подробно скажется сегодня въ залахъ собраній по случаю настоящаго торжества и въ другихъ мѣстахъ. Съ церковной кафедры мы намѣрены по преимуществу раскрыть тѣ мотивы творчества Никитина, которые непосредственно имѣютъ отношеніе къ высшимъ потребностямъ чловѣка. Объ этихъ потребностяхъ всего болѣе ревнуетъ мать наша св. церковь и готова всегда благословлять тѣхъ изъ чадъ своихъ, кои свои труды и дѣятельность посвящаютъ на служеніе началамъ вѣры, добра и правды. — Посмотримъ, что сдѣлано поэтомъ Никитинымъ для этихъ началъ!

Иванъ Саввичъ, какъ извѣстно, является въ своихъ произведеніяхъ поэтомъ-печальникомъ обездоленнаго городского и обездоленнаго деревенскаго люда, поэтомъ его нужды, бѣдности и горя. Область его поэзіи необширная — это міръ простаго мѣщанства съ его неприглядными сторонами и міръ деревенской жизни съ ея нуждой и безпросвѣтностью. Но тотъ и другой міръ изображены поэтомъ съ полнымъ сознаніемъ и вдумчивостью, съ проникновеннымъ сочувствіемъ и теплотой по отношенію къ нуждѣ бѣднака — труженика.

Поэтъ не только хорошо знаетъ описываемую имъ жизнь, но и понимаетъ ее, глубоко сочувствуетъ ей и самъ страдаетъ наравнѣ съ другими обездоленными.

Струны его „лиры“, правда, звучать большею частью въ унисонъ съ напѣвами о нуждѣ и горѣ такъ называемыхъ писателей—„народниковъ“,—но это созвучіе не даетъ однако основанія смѣшивать Никитина съ „народниками“. Въ отличіе отъ этихъ послѣднихъ Никитинъ совершенно трезво и правдиво смотритъ на народную жизнь; у него нѣтъ той идеализаціи народа, къ которой такъ часто и фальшиво прибѣгаютъ писатели-народники даже въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей.

Несмотря на свои симпатіи къ народу, Никитинъ не закрываетъ глазъ на дурныя и дикія стороны его, которыя ему представляются, какъ неизбежное зло, пока надъ этой темной массой „не блеснутъ лучи свѣта“. И тѣмъ не менѣе, несмотря на отсутствіе идеализаціи, весь этотъ бѣдный сѣренькій людъ—отъ бурлака и пахаря до ямщика и мелкаго торговца включительно,—такъ тихо и безропотно переносящій свою долю, вызываетъ глубокое участіе къ себѣ, благодаря правдивому изображенію поэта.

Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что Никитинъ, проникнутый сознаніемъ народнаго горя не менѣе самихъ „народниковъ“, подозрительно, однако, смотрѣлъ на фальшиво-однотонныя напѣвы ихъ. Громкія выступленія народниковъ съ примѣсью гражданскихъ мотивовъ, со ссылкой на „освободительную“ силу науки, вызывали въ немъ юмористическій и даже желчно-сатирический тонъ. Довольно припомнить стихъ. „Поэту-обличителю“, чтобы рѣшительно сказать, съ какимъ несочувствіемъ и съ какимъ безпощаднымъ осужденіемъ относился Никитинъ къ „народничеству“, которое, по его мнѣнію, лишь „по наслышкѣ обо всемъ поетъ“ и совсѣмъ не понимаетъ ни печали народной, ни дѣйствительныхъ основъ народной жизни.—Но что въ самомъ корнѣ, такъ сказать, отличаетъ Никитина отъ „писателей-народниковъ“, такъ это особенно то, что въ его поэзіи надъ скорб-

ными переливами и потрясающими мелодіями грусти и горя носят аккорды отрады, надежды и вѣры въ тѣ высшіе идеалы, которые отвѣчаютъ болѣе глубокимъ запросамъ жизни. Эти высшіе идеалы жизни, придающіе смыслъ земнымъ страданіямъ и сообщающіе человѣку силы нести всю горькую тяжесть ихъ, совсѣмъ отсутствуютъ у народниковъ. Между тѣмъ Никитинъ прозрачно указываетъ на эти идеалы, когда въ своемъ поэтическомъ творествѣ вступаетъ въ область чисто-религіозныхъ началъ, выражая самое высшее и святое, что есть въ душѣ человѣка. Вотъ одно изъ такихъ указаній. „Измученный жизнью суровой, говоритъ поэтъ, неразъ я себѣ находилъ въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова источникъ покоя и силъ... Здѣсь все въ чудно-сжатой картинѣ представлено Духомъ Святымъ: и міръ существующій, нынѣ, и Богъ, управляющій имъ, и сущаго въ мірѣ значенье, причина и цѣль, и конецъ, и вѣчнаго Сына рожденье и крестъ, и терновый вѣнецъ. Какъ сладко читать эти строки, читая молиться въ тиши и плакать и черпать уроки изъ нихъ для ума и души“! (Нов. Завѣтъ). Нетрудно понять здѣсь, гдѣ, по мысли автора, должны получать для себя освященіе и разрѣшеніе всѣ людскія скорби и страданія?— Очевидно, религія и христіанство—вотъ истинный свѣточъ, который ярко озаряетъ смыслъ земныхъ печалей и даетъ имъ надлежащій исходъ, истинно-вѣрное разрѣшеніе.

Будучи самъ человѣкъ, глубоко и горячо вѣрующій въ Бога, и въ религіи находя для себя самый лучшій источникъ утѣшенія въ горечи человѣческаго бытія на землѣ, Никитинъ „въ звукахъ, воплощающихъ боль сердца“, старается обратить къ этому божественному источнику свѣта взоръ и сердце и другихъ страдальцевъ, ищущихъ успокоенія, и склонить ихъ въ этомъ именно источникѣ черпать энергию и силы для борьбы съ житейскими невзгодами и со всякимъ зломъ въ мірѣ. „Тяжелъ вашъ крестъ“, утѣшаетъ

поэтъ одну мать, потерявшую любимаго сына, — „но живъ Господь всего: да не смутится сердце ваше, молитесь, вѣруйте въ Него! Слеза ль падеть у васъ—Онъ знаетъ число всѣхъ капель дождевыхъ и ваши слезы сосчитаетъ, оцѣнитъ каждую изъ нихъ. Онъ весь любовь и жизнь и сила. Съ нимъ благо все, съ Нимъ свѣтъ во тьмѣ“... Въ такомъ духѣ у Никитина найдется вообще немалое количество стихотвореній, и многія изъ нихъ поистинѣ классически-прекрасны и, какъ таковыя, служатъ для насъ памятникомъ того высокаго религіознаго идеализма, которымъ проникался поэтъ въ минуты своего творческаго вдохновенія. Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ Никитинъ съ неподдѣльною теплотой чувства выражаетъ свою вѣру въ Бога и Его святое Провидѣнье, „въ Разумъ, все дивно создавшій, всѣмъ правящій мудро“, вѣру въ безсмертіе, въ непреходящую и вѣчноспасительную силу христіанства, въ силу молитвы и самой вѣры, побѣждающей сомнѣніе ума. При этомъ поэтъ ясно даетъ понять, какими качествами должна отличаться молитва наша и вѣра, дабы онѣ доставили покой нашей душѣ. По чисто христіанскому его убѣжденію, молитва только въ смыслѣ всецѣлаго возношенія ума и сердца къ Богу, соединенная съ глубокой и горячей вѣрой во Него, отрѣшаетъ отъ всего земного, врачуетъ болѣзани сердца и примиряетъ съ страданіями въ этотъ міръ. Образецъ подобной молитвы съ ея добрыми послѣдствіями преподаль намъ Самъ Божественный Учитель въ Своемъ Лицѣ предъ Своими крестными страданіями. Такъ, въ стих. „Моленіе о чашѣ“ читаемъ: Учитель міра. преклонивъ колѣни, молился: „Отче, Отче мой! Мнѣ тяжело: все человѣческое зло на Мнѣ единомъ тяготѣетъ... Молюсь, да снидетъ на Меня святая сила подкрѣпленья. И руки къ небу Онъ поднялъ и весь въ молитву превратился, огонь Лицо Его сжигалъ, кровавый потъ по Немъ струился“. Послѣ такой пламенной молитвы Иску-

питель міра приходитъ къ Своимъ ученикамъ—и „въ это чудное мгновеніе“, замѣчаетъ поэтъ о послѣдствіяхъ Его молитвы, какъ былъ Онъ истинно великъ, какимъ огнемъ одушевленья горѣлъ Его прекрасный ликъ! Какъ ярко отражали очи всю волю твердую Его, какъ радостно свѣтила ночи съ высотъ глядя на Него“!—Благотворное дѣйствіе пламенной молитвы поэтъ не разъ и самолично испытывалъ на себѣ, ощущая въ душѣ своей послѣ такой молитвы невыразимую сладость и мирное успокоеніе отъ всѣхъ суетныхъ тревогъ жизни. Замѣчательно въ этомъ отношеніи стихотвореніе его „Сладость молитвы“, рисующее сначала безотрадное и страшное положеніе поэта въ моментъ отсутствія у него молитвеннаго настроенія и затѣмъ свѣтло-радостное его самочувствіе, послѣ того какъ онъ „склонитъ предъ иконой святою колѣни и съ жаркой молитвой ницъ упадетъ“.—Въ другомъ стих. своемъ „Дѣдушка“ поэтъ въ образѣ идеальнаго старца, „видѣвшаго много кручины на своемъ вѣку“, представляетъ намъ такое молитвенное состояніе христіанской души, при которомъ послѣдняя на самыя житейскія скорби взираетъ, какъ бы на своего рода благодѣянія, посылаемыя свыше. „Его отрада“—замѣчаетъ поэтъ „объ этомъ старцѣ,—„въ Божій храмъ ходитъ. Къ стѣнкѣ, около порога, станетъ тамъ кряхтя, и *зи скорби* славить Бога, Божіе дитя“.

Кромѣ молитвы и вѣры и вообще непосредственныхъ мотивовъ религіи, доставляющихъ всякой смятенной душѣ умиротвореніе, поэтъ какъ бы въ дополненіе къ этому указываетъ еще на природу съ ея неистощимою красотой. Называя ее матерью, своимъ наставникомъ и другомъ, поэтъ замѣчаетъ, что сближеніе съ природой дѣлаетъ жизнь „свѣтлѣй впереди“, что она какъ бы вливаетъ часть своей могучей силы въ душу того, кто погружается въ созерцаніе ея красотъ. Нужно думать, что природа подолгу и любовно по-

коила Никитина на лонѣ своемъ, подвергая его обаянію своихъ красоть; ибо много цвѣтовъ и красокъ, съ самыми тонкими оттѣнками, разсыпано въ его поэзіи. Природа казалась поэту во всѣ свои годичныя перемѣны и во всякомъ убранствѣ художественно-прекрасной и очаровательной; поэтому описанія разныхъ предметовъ ея или явленій, — каковы: лѣсъ, дубъ, береза, степь, вечеръ, ночь, осень, зима, весна и мн. мн. другія — вышли изъ подъ пера Никитина неподражаемо-художественными. Но что особенно драгоцѣнно, природа во всѣхъ своихъ предметахъ и явленіяхъ говоритъ поэту о Богѣ, и онъ видѣлъ въ ней присутствіе смысла, присутствіе непостижимой силы, таинственно скрывающейся и вмѣстѣ открывающейся въ ея красѣ. „Когда одинъ, въ минуты размышленья“, — говоритъ поэтъ, — „съ природой я бесѣдую въ тиши, я вѣрю: есть святое провидѣнье и кроткій миръ для сердца и души, и грусть свою тогда я забываю, съ своей нуждой безропотно мирюсь, и небесамъ невидимо молюсь“. — Или — въ другомъ стихотвореніи: „Присутствіе непостижимой силы таинственно скрывается во всемъ: есть мысль и жизнь въ безмолвіи ночномъ и въ блескѣ дня и въ тишинѣ могилы; въ движеніи безчисленныхъ міровъ, въ торжественномъ покоѣ океана и сумракѣ задумчивыхъ лѣсовъ и въ ужасѣ степного урагана, въ дыханіи прохладномъ вѣтерка и въ шелестѣ листовъ передъ зарею, и въ красотѣ пустыннаго цвѣтка, и въ ручейкѣ, текущемъ подъ горою“.

Непостижимая, таинственная сила, о которой говорится въ приведенномъ стихотвореніи, по убѣжденію поэта, проявляетъ себя также и въ суровой судьбѣ жизни человѣка, направляя его къ высокой цѣли: „Таинственно небесъ опредѣленье“, — говоритъ онъ, — „но ихъ законъ ненарушимо святъ“, — поэтому, хотя-бъ „отъ самой колыбели страданіе досталось тебѣ, какъ человѣкѣ, своей высокой цѣли не забывай въ мучительной борьбѣ“!

Таковы основные мотивы поэзии Никитина, во имя которых всего больше и сам онъ, какъ страдалецъ, лично примирялся, и другихъ обездоленныхъ старался примирить съ неприглядными картинами суровой дѣйствительности.

Какъ видите, бр., міросозерцаніе нашего поэта въ отношеніи людскихъ бѣдствій и страданій совершенно совпадаетъ съ христіанскими воззрѣніями на тотъ же предметъ. Бѣдность, нужда и горе народное не учтены поэтомъ, по примѣру другихъ сомнительныхъ народолюбцевъ, какъ явленія, исключительно зависящія отъ стѣснительныхъ экономическихъ и правовыхъ условій быта и вообще отъ неудовлетворительнаго соціальнаго положенія однихъ классовъ общества сравнительно съ другими. Поэтъ усматриваетъ въ житейскихъ горестяхъ, въ чемъ бы онѣ ни проявлялись, главнымъ образомъ, обнаруженіе иного высшаго начала, обнаруженіе, какъ онъ самъ выразился, „таинственнаго опредѣленія небесъ“, — иначе сказать, благой воли Божіей, которая для благой цѣли положила „горькій свитокъ“ скорбей и страданій по пути шествія людей къ своему высокому предназначенію. Поэтому въ противоположность мнимымъ радѣтелямъ о народномъ благополучіи, старающимся, подъ знаменемъ служенія народу, поселить въ немъ недовольство своимъ состояніемъ, зависть и раздраженіе, поколебать при этомъ всѣ основы вѣры и нравственности и сдѣлать его орудіемъ для своихъ дикихъ и преступныхъ замысловъ, — поэтъ весь, всѣмъ своимъ существомъ, на сторонѣ кротости, смиренія и терпѣливаго перенесенія всякихъ несчастій во имя вѣры, во имя тѣхъ высшихъ надземныхъ интересовъ, оправданіе коимъ дается въ религіи и христіанствѣ. — Съ другой стороны, живо и картинно изображая во всей наготѣ правду темной и скорбной жизни народа и глубоко сочувствуя послѣдней, поэтъ тѣмъ самымъ призываетъ всѣхъ, отъ кого зависитъ воспитаніе народа и руководство имъ, къ дѣлу сочувствія и состраданія.

нія, къ той дѣятельной любви, которая составляетъ основу единопдушія братскихъ отношеній, взаимопомощи и объединенія о Христѣ всего челоуѣчества.

Такимъ образомъ, всецѣлая покорность волѣ Божіей подѣ ударами судьбы и сердечная любовь къ ближнимъ, облегчающая муки земныхъ страданій, вотъ что, по мысли нашего поэта, должно считаться наилучшимъ средствомъ для борьбы со зломъ, господствующимъ въ мірѣ, и съ тучами житейскихъ тревоженій.

Подводя теперь итогъ всему сказанному въ настоящемъ словѣ, получаемъ слѣдующее общее назиданіе, которое мы и должны утвердить въ сердцахъ своихъ. Если мы желаемъ въ истинномъ смыслѣ почитать память нашего покойнаго поэта Ивана Саввича, то обязаны признать своимъ священнымъ долгомъ всемѣрно осуществлять въ своей жизни тѣ религіозно-христіанскіе завѣты его, которые онъ оставилъ намъ въ своихъ твореніяхъ,—именно: содержать твердую вѣру въ Бога, возгрѣвая ее пламенемъ молитвы къ Нему,—никогда не терять мысли о высокомъ предназначеніи челоуѣческой жизни на землѣ, какія бы тяжелыя обстоятельства ни постигли челоуѣка, и всегда быть дѣятельно отзывчивымъ на горе и страданіе ближнихъ нашихъ, внося лучи свѣта и отрады въ скорбную жизнь ихъ.

Священникъ *Василій Миловановъ*.

Вѣнокъ на памятникъ Ивану Савичу Никитину— Воронежскому поэту.

(въ день 50-ти лѣтія со дня его кончины 16 октября 1911 г.).

Poetae nascuntur, oratores fiunt.

Вѣрно это мудрое изрѣченіе древнихъ, что поэты такими рождаются, а ораторы краснорѣчивыми и популярными дѣлаются уже потомъ, послѣ своего рожденія—и это

такъ несомнѣнно: мы видимъ, сквозь какое горнило очищенія нашимъ многимъ русскимъ поэтамъ, этимъ избранникамъ Священныхъ Музъ, приходилось и приходится проходить на своемъ жизненномъ тернистомъ и скорбномъ пути—и однако ихъ, еще отъ утробы матерней Богомъ избранныхъ, никакая, часто жестокая и беспощадная жизнь не одолѣваетъ—ни бѣдность, сопряженная съ борьбою изъ-за насущнаго куска хлѣба, ни зависть и злыя ухищренія часто людей бездарныхъ, но надрывающихся изъ всѣхъ силъ попрепятствовать, какъ бы какой лучъ Божественнаго Свѣта людей геніальныхъ не затмилъ ихъ бездарности и ничтожества въ словахъ и дѣлахъ: даже подъ ударами жестокой болѣзни чуть не наканунѣ преждевременной смерти *геніи-поэты* не падаютъ—и въ эти часы мучительные и таинственные они бываютъ велики и славны въ своей борьбѣ изъ-за свѣта, *правды и любви* на землѣ—этой *юдоли плача и стѣнованій* людскихъ: монументъ такого великаго человѣка—поэта генія мы видѣли сегодня вознесеннымъ высоко надъ землею,—говорю о нашемъ дорогомъ *пѣвцѣ—поэтѣ Иванѣ Савичѣ Никитинѣ*, которому во множествѣ представители народа всѣхъ сословій и возрастовъ, отъ высшихъ до низшихъ, пришли сегодня поклониться предъ его величественнымъ памятникомъ, гдѣ на гранитномъ постаментѣ видимъ *живой* образъ *Ивана Савича*, живо и рельефно изваяннаго въ его бронзовой отлитой фигурѣ: какъ живой, сидитъ онъ—этотъ народный *вѣщій пѣвецъ* горькой правды, бѣдности—горемычной и часто безъисходной: сидитъ онъ съ головой, поникшей внизъ, съ руками, *крестообразно* сложенными поверхъ колѣнъ,—своимъ однимъ видомъ этимъ призываетъ онъ весь народъ русскій подходить поближе къ всякому горю людскому, которое, какъ *гостья* неумолимая, по словамъ *Ивана Савича*, никакъ не истаскается и всюду просится: у *горя-гостыи* весна безъ зелени, любовь

безъ радости, радость безъ времени, немочь съ голодомъ при старости. Тѣмъ-то ты великъ и дорогъ намъ, нашъ баянъ Иванъ Савичъ, что ты пѣлъ намъ про нужду-горе неприкрашенное, самъ испытывалъ на себѣ долю жизни горькую:

*«Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпрютная, жизнь терпѣливая.
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая...
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла».*

(Изъ Дневника Семинариста).

Такъ, дорогой Иванъ Савичъ, такъ: многіе тебя читали и доселѣ читаютъ—твою жизнь горемычную въ самихъ себѣ и на себѣ, да немногіе нынѣ тверды въ твоемъ *христіанскомъ терпѣніи*, которому ты училъ и которое самъ творилъ, говоря:

*„Ахъ, ты, бѣдность горемычная,
Дома въ горы терпѣливая“!...*

Оставили терпѣніе христіанское: зачѣмъ же его оставили многіе? Зачѣмъ люди-братья не поучатся такъ терпѣливо страдать у многострадальнаго *Ивана Савича*, который себѣ утѣшеніе и подкрѣпленіе въ скорбяхъ ни въ комъ другомъ не находилъ, какъ въ Единомъ Страдальцѣ за всѣхъ *Христъ Спаситель*—въ *Его геосиманскомъ моленіи о Чашѣ*, которую чашу лютыхъ страданій онъ и воспѣлъ въ своихъ бессмертныхъ стихахъ. *Евангеліе*, какъ *благовѣстіе Христово*, всегда утѣшало скорбнаго *Ивана Савича*: не оставило оно его и въ предсмертныя минуты: это ли не примѣръ намъ учителя вѣры Христіанской, какъ нужно умирать и готовиться къ смерти христіанской: онъ былъ *нищій духомъ*, а таковыхъ удѣлъ—*царствіе небесное*; онъ былъ *плачущій* о грѣхахъ своихъ и чужихъ: будетъ не-

премѣнно такому *утѣшенію* отъ Господа — и утѣшить *Ивана Савича* Утѣшитель Духъ Святой, Которой *наставляетъ насъ на всякую правду* и Котораго правду Святую постоянно пѣлъ до послѣдняго своего издыханія безсмертный пѣвецъ *Иванъ Савичъ*, которому *вѣчная слава* на небѣ и на землѣ — этому избраннику Божию еще отъ утробы матери: Poetae nascuntur (поэты рождаются).

Бывшій семинаристъ Н. Н.

Памяти И. С. Никитина.

Межъ утесовъ и скалъ
Въ высь полеть направлялъ
Полонъ силы орелъ молодой.
Всѣ въ туманѣ густомъ
Спали камни кругомъ —
Не коснулся ихъ лучъ золотой...

А въ небѣ далекомъ сіяло свѣтило,
Къ себѣ его силы звало и манило.

Въ глубинѣ темныхъ скалъ
Валъ холодный бѣжалъ,
На волну набѣгала волна;
Брызги въ мракѣ ночномъ
Разсыпались дождемъ
И стонала его глубина...

Изъ брызгъ этихъ тѣни незримо являлись,
На гребняхъ качаясь, о чемъ-то шептались...

И надъ храбрымъ смѣясь,
И игриво рѣзвась,
Передъ нимъ раскрывали глубины;
И съ холоднаго дна

За одною одна
Выплывали предъ взоромъ картины...
Тамъ перлы сверкали, во мракъ горя...
Тамъ высилась замки изъ грудь янтаря...
И бороться со тьмой,
Съ грязной, мутной волной
Не хватало ужъ силъ молодыхъ...
Но надъ нимъ былъ просторъ,
Онъ манилъ его взоръ
Чистымъ свѣтомъ небесъ голубыхъ...
И все напрягая ужъ слабыя силы,
Онъ въ высь поднимался надъ темной могилой.
А гнетущая мгла
Все жъ сильна такъ была!...
И погибъ въ ней безстрашный орелъ...
Но въ холодныхъ волнахъ
Только видимый прахъ
Безо время могилу нашель...
Душа же его возлетѣла къ свѣтилу,
Отдавъ ему все, что въ ней чистаго было...
Про полетъ смѣлый твой,
Нашъ страдалецъ святой,
Будутъ помнить живыя сердца!
Да, лишь мощью борьбы
Мы, земного рабы,
Можемъ видѣть селенья Творца.
Пусть холодные вѣтры насъ въ бездны влекутъ, —
Въ небеса мы безстрашно направимъ свой путь!

Татьяна Плохихъ.

Вторникъ 11 октября 1911 года.

ОТРЫВКИ.

(Изъ моихъ записокъ: „Панорама г. Воронежа“. 1904 г.).

... Поѣздъ быстро мчится впередъ, оставляя за собою одну за другою станціи и будки Московской ж. д.

Въ окнахъ вагона монотонно мелькаютъ телеграфныя столбы. Проволочныя нити, похожія на нотныя линейки, то будто поднимаются вверхъ, то, какъ-то сразу, падаютъ внизъ...

Но вотъ, въ далекомъ голубомъ туманѣ, какъ прекрасное волшебное марево, показался и холмистый Воронежъ...

Разноцвѣтныя крыши домовъ города сначала неотличимы для глаза: всѣ краски и очертанія зданій тонутъ въ яркихъ лучахъ полуденнаго солнца, — но мы къ нему все ближе, ближе, и въ сентябрьской зелени садовъ запестрѣли бѣлыя, желтыя и коричневыя стѣны домовъ съ красными и зелеными крышами.

А надъ всѣмъ этимъ муравейникомъ высится стройная колокольня Митрофановскаго монастыря. Лица пассажировъ оживляются; по всему вагону, я замѣчаю мелькомъ, задвигались руки, творящія крестное знаменіе; часто, часто зашевелились губы, шепча и посылая свои тихія молитвы къ Тому, чьи мощи нетлѣнно почиваютъ въ томъ мѣстѣ, надъ которымъ возвышается грандіозный, священный обелискъ г. Воронежа.

Заново вычищенная серебрянная рака Святителя вся мягко свѣтилась, какъ матовое, воздушное облачко... Блескъ отъ множества свѣчъ чудно игралъ въ золотыхъ звѣздахъ и лучахъ на голубомъ фонѣ купола сѣни, и ярко искрился, — какъ трепетное отраженіе горячихъ молитвъ многочисленныхъ богомольцевъ, — на золоченой ризѣ иконы Святителя, помѣщенной на восточной колоннѣ храма въ бѣломраморномъ кивотѣ...

Предполуночное время. Городъ спитъ. Темно. Лишь кой-гдѣ свѣтятся электрическіе шары. Окна магазиновъ задвинуты желѣзными рѣшотками. А вотъ окна какого то магазина на ночь ничѣмъ не закрыты, а ярко освѣщены изнутри электричествомъ и печально глядятъ на тихую и безлюдную улицу, какъ съ открытыми глазами лунатикъ, остановившійся въ темнотѣ и бессознательно устремившій свой неподвижный взоръ въ пустое пространство мрака.

Какъ будто всѣ изъ него вымерли и оставили свое добро на расхищеніе ночнымъ ворами.

Тихо. Даже не смотря на то, что гдѣ-то недалеко звонко лаетъ собака и дребежжитъ по мостовой запоздавшій извозчикъ.

Шаги одинокаго пѣшехода глухо отдаются по опустѣвавшему тротуару. На какой-то колокольнѣ прозвонили 12 часовъ. Звонъ повторился въ другомъ концѣ города, потомъ гдѣ-то еще, еще...—и опять нѣмая тишина. Вотъ, точно спросонья, рѣзко взвизгнулъ нервный свистокъ локомотива на ж. д.,—и тяжело повисло въ ночномъ воздухѣ сопѣніе и громыханіе тронувшагося поѣзда...

Въ темно-голубомъ небѣ мерцають звѣзды...

Одна мнѣ свѣтитъ

Свѣтлѣе всѣхъ и всѣхъ милѣй,

Но если сердце ее отмѣтитъ,—

Она далеко, не быть мнѣ съ ней,—

припомнилъ я чьи-то стихи, подходя къ Митрофановскому монастырю. Ахъ, какъ величаво-красива Митрофановская колокольня такою ночью, какою я ее тогда видѣлъ!

На черно-голубомъ фонѣ неба, бѣлая, уступами, стройно-высокая громада, при свѣтѣ фонарей, все отчетливѣе и грандіознѣе вырисовывается предъ вами, по мѣрѣ приближенія къ ней,—и вдругъ вы останавливаетесь передъ такой воздушной красавицей, очарованный легкостью ея линій и вмѣстѣ съ тѣмъ же какъ-бы придавленный ея внушительной высотой.

А чуть виднѣющійся крестъ на высокомъ шпилѣ такъ, кажется, недосягаемо водруженъ (и не вѣрится—чтобы человѣческими руками), что, порою, получается впечатлѣніе, будто море темно-голубыхъ небесъ отдѣлило его отъ колокольни и держитъ на своихъ бездонныхъ, покойныхъ водахъ... Ангелы невидимо рѣютъ въ небесахъ...

А какъ кротко свѣтится глазокъ блестящей звѣздочки сквозь окна колокольни 2 этажа!

Красивое зданіе. Идейная архитектура.

...Была суббота, и я рѣшилъ прослушать всенощную въ церкви духовной семинаріи...

Пѣли два хора, въ два тона, стройно и, главное, съ чувствомъ. Приходился гласъ 1-й. И вотъ, „Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя“ зазвѣлъ на нижнихъ нотахъ съ октавой хоръ, помѣщающійся гдѣ-то наверху, такимъ могуче-тайнственнымъ шопотомъ, что и не знаешь, откуда эти звуки льются: сверху, или изъ какого-то подземелья,—съ глухимъ ропотомъ мятущейся толпы, молящей Великаго Духа, дабы Онъ услышалъ ее, взывающую къ Нему изъ горькой юдоли земной.

А нижній хоръ, на клиросѣ, продолжаетъ: „Да исправится молитва моя“—высшимъ тономъ, и, воодушевляясь болѣе и болѣе, при словахъ стихи „яко кадило предъ Тобою“,—такъ глубоко захватываетъ душу слушателя, и такъ трепетно разливаются по храму эти свѣжіе и здоровые голоса при словахъ „воздвѣніе руку моею“, что стрепенувшійся духъ мслящагося, кончая стихъ молебнымъ воззваніемъ „услыши мя, Господи“, поетъ его въ душѣ уже съ твердымъ упованіемъ, что Господь услышитъ его. А на сердцѣ такъ мирно и легко.

Такое антифонное, „контрастное“ пѣніе—восхитительно.

Побывалъ и въ церкви духовнаго училища, въ той церкви, подъ сѣнью которой я когда-то не разъ выливалъ въ молитвѣ къ Богу свою дѣтскую душу, исполненную свѣтлою надеждой на будущее и еще болѣе свѣтлою, живою вѣрою въ Бога и людей...

Извѣстно, человѣку дороги „старыя“ мѣста тѣмъ, что они однимъ своимъ видомъ пробуждаютъ въ его душѣ былыя чувства, вызываютъ въ умѣ воспоминанія о дняхъ минувшихъ,—и пріятно, если эти мѣста онъ увидитъ впоследствии такими-же, какими онъ ихъ когда-то оставилъ.

Но больно бываетъ, если время, или чья-либо рука, хотя бы и къ лучшему, измѣнятъ *это* сердцу дорогое. Я, напр., теперь спрашивалъ себя:—Зачѣмъ появились тяжелыя серебряныя ризы на тѣхъ иконахъ иконостаса, въ которыя я, когда-то, ежедневно молитвенно вглядывался и невольно запоминалъ каждую черточку и каждую складочку одежды святого? Зачѣмъ теперь скрыто отъ очей то, что тогда мнѣ свѣтило такъ знакомо, что запечатлѣлося въ душѣ?

Ну, зачѣмъ приняли клиросы,—на одномъ изъ которыхъ я когда-то читалъ,—и перевели пѣвчихъ на хоры? Почему не видно нашего добраго Смотрителя (Я. И. М.) на его обычномъ мѣстѣ—у свѣчнаго ящика? Его мѣсто пусто, онъ умеръ, нашъ нѣжный, чуткій воспитатель, нашъ истинный, достойный замѣститель и носитель авторитета, пощечительности и любви къ намъ нашихъ родителей. Миръ праху и духу твоему, великое, доброе сердце, подмѣченное и оцѣненное даже нами, порою „злыми“ малышами!...

...Потомъ я поѣхалъ на кладбище при Н. церквч, съ цѣлью побывать на могилахъ нашихъ родныхъ поэтовъ—Кольцова и Никитина. До этого я никогда тамъ не былъ да и узналъ-то о существованіи этихъ могилъ уже дома—изъ книгъ. Удивляюсь, почему-бы не сводить было насъ, — когда

еще мы были въ училищѣ, — на могилки тѣхъ поэтовъ, стихотворенія которыхъ мы, ученики, заучивали наизусть? И не говорили намъ объ этихъ дорогихъ мѣстахъ...

Нашелъ я ихъ по указанію кладбищенскаго сторожа и по дощечкѣ съ надписью: „Дорожка къ могиламъ поэтовъ Кольцова и Никитина“.

Вступивши благоговѣйно на эту дорожку и немного пройдя по ней, я увидѣлъ надгробные памятники сначала родственниковъ Кольцова, потомъ надъ его могилой и Никитина.

Очутившись въ уголкѣ поэтовъ, на мѣстѣ ихъ вѣчнаго упокоенія, я былъ охваченъ разнородными ощущеніями и воспоминаніями изъ поучительныхъ біографій обоихъ поэтовъ. Вспомнилъ ихъ труды и неудачи; ихъ пламенные страдальческія души; ихъ сладкіе, плѣнительные стихи; прослѣдилъ мысленно всю ихъ жизнь до конца, — конца, спрятаннаго въ могилѣ и придавленнаго тяжелымъ камнемъ...

Ласково свѣтило солнышко съ тихихъ, осеннихъ небесъ сквозь желтвующіе листья деревъ на холодный мраморъ памятниковъ, какъ бы желая согрѣть своими еще горячими лучами сырыя жилища тѣхъ, которые при жизни воспѣли и небо и солнце, и лѣсъ пожелтѣвшій...

Общій тонъ этого уголка былъ грустный, какъ и жизнь того, кто когда то пѣлъ:

Безъ любви, безъ счастья

По-міру скитаюсь:

Разойдусь съ бѣдою, —

Съ горемъ повстрѣчаюсь!

И того, кому была:

. близка

И грязь и бѣдность кулака.

На одной сторонѣ памятника Кольцова я прочелъ и запомнилъ стихи:

Въ душѣ страсти огонь

Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онь сгорѣлъ и погасъ.

И еще:

У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь;
Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ—моя любовь!

А на памятникѣ Никитина:

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,—
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла...

Поклонившись праху поэтовъ, я пошелъ осматривать и другіе надгробные памятники обширнаго и великолѣпнаго кладбища.

Много тамъ стоитъ безмолвныхъ „печатей смерти“ съ краткими надписями объ угасшихъ жизняхъ:—и художественно исполненныхъ—и безвкусныхъ, и новыхъ—и ветхихъ, богатыхъ и бѣдныхъ;—но въ одномъ лишь они сходны между собой: всѣ они выражаютъ одну идею о неминуемой смерти да вѣру въ вѣчную, загробную жизнь.

И. П.

Жертва слѣпой на стипендію имени о. Іоанна Кронштадтскаго.

Въ началѣ октября сего 1911 года мною получено письмо слѣпой Θεодосіи Николаевны Сигаевой, по мужу Столповской, слѣдующаго содержания:

„Ваше Высокопреподобіе!

Покорно прошу васъ, примите мою малую лепту на святое дѣло воспитанія дѣтей въ правилахъ святой вѣры и дай Богъ, чтобы этотъ трудовой рубль былъ зерномъ, приносящимъ плодъ свой во сто кратъ, т. е. чтобы онъ попалъ на воспитаніе мальчика, который стипендію свою считалъ бы долгомъ, взятымъ у народа, и который онъ считалъ бы святою обязанностію выплатить добрыми дѣлами и христіанскимъ поведеніемъ.

Желаніе это родилось во мнѣ по слѣдующему случаю. Я, Θεодосія Николаевна Сигаева, теперь Столповская, живу въ Калмычкѣ въ крестьянской семьѣ. Нравственная темнота, внѣшняя грязь сдѣлали жизнь мою на столько безотрадной, что я потеряла всякую надежду на какой-нибудь исходъ изъ этого мрака. Вотъ тутъ то и сказала христіанская душа отца Дмитрія Никонова, священника Покровской церкви, села Калмычка: онъ воскресилъ меня, черезъ него я снова вѣрю въ Провидѣніе Божіе и вѣрю, что Христосъ живъ между нами. Батюшка принялъ горячее участіе въ нашемъ положеніи; не смотря на всеобщее сопротивленіе, онъ даетъ намъ пріютъ въ своемъ домѣ, чѣмъ спасъ насъ отъ сумы, которую навязывала мать моего мужа, хотя въ ней нѣтъ нужды. Но этого мало. Онъ далъ намъ возможность хотя немного зарабатывать свой хлѣбъ: мужъ мой исполняетъ посильную работу по двору, а мнѣ, за невозможностью ему лично правильно вести уроки Закона Божія въ церков-

но-приходской школѣ, отдалъ эти уроки, съ тѣмъ, чтобы я вела ихъ подъ его наблюденіемъ. И теперь я могу сказать: слава Богу, вниманіе и любовь дѣтей къ моимъ урокамъ доказываютъ, что занятія мои въ школѣ благословилъ Самъ Богъ. Кромѣ этого, батюшка выписалъ намъ по точкамъ псалтирь и мы уже читали по умершей прихожанкѣ.

Тутъ и пришла мнѣ мысль послать первый свой заработокъ на стипендію о. Іоанна Кронштадтскаго съ молитвой, чтобы съ этой стипендіи выходили такія же свѣтлыя личности, какъ отецъ Димитрій Никоновъ“.

Феодосія Столповская.

27 сентября 1911 года.

Съ удовольствіемъ печатаю это умиленное письмо слѣпой Феодосіи Николаевны Столповской, которая до своего замужества около 15 лѣтъ состояла воспитательницей въ Воронежскомъ училищѣ для слѣпыхъ дѣтей; въ іюль сего 1911 года она повѣнчана священникомъ села Калмычка о. Димитріемъ Никоновымъ съ слѣпцомъ его прихожаниномъ и теперь оба супруга имѣютъ пріютъ у этого сердобольнаго священника и приставлены къ занятіямъ, соответствующимъ ихъ познаніямъ. Первый заработокъ слѣпой Феодосіи Столповской, пожертвованный ею на стипендію имени великаго благодѣтеля челоѳчества и всероссійскаго молитвенника и чудотворца, Протоіерея о. Іоанна Ильича Сергіева Кронштадскаго, который своими молитвами и непрестанными трудами просвѣщаль всѣхъ сидѣвшихъ во тьмѣ невѣрія и беззаконія, да будетъ памятенъ въ исторіи стипендіи этого Божія челоѳка, какъ никогда не забудутся въ исторіи христіанства двѣ ленты вдовицы—все ея состоявіе,—принесенныя въ сокровищницу Іерусалимскаго храма въ присутствіи Господа Іисуса Христа. Дай Богъ, чтобы примѣръ этой

слѣпой благотворительницы, такъ сильно заботящейся о воспитаніи дѣтей въ православной вѣрѣ и на самомъ дѣлѣ учащей дѣтей закону Божію въ школахъ, послужилъ добрымъ примѣромъ для другихъ добрыхъ русскихъ людей и чтобы учрежденіе стипендіи имени всероссійскаго батюшки о. Іоанна Кронштадскаго въ славу Божію и въ назиданіе всѣмъ ревнителямъ вѣры и благочестія совершилось возможно скорѣе.

Ректоръ Воронежской Духовной Семинаріи Протоіерей
Николай Околовичъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ

ТОРГОВАГО ДОМА

І. Н. ГАГАРИНЪ И С. П. СТАЛОГОРОВЪ.

Москва 1-я Мѣщанская. Д. 68 телеф. 258—79.

Принимаютъ заказы на исполненіе художественно живописныхъ и иконописныхъ работъ, внутреннюю роспись храмовъ всѣхъ вѣковъ и стилей.

КРОМѢ живописи исполняются всевозможныя иконостасныя работы.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ изготовленіе иконостасовъ **ИМИТАЦІЯ** подъ фаянсъ, не требующихъ ремонта.

Цѣны внѣ конкуренціи. Гарантія и разсрочка по соглашенію.

Списокъ работъ, выполненныхъ въ 1910—1911 г.

1) Въ Москвѣ, по заказу Москов. Митрополита Владимира, въ Троицкомъ подворьѣ. Стѣнная роспись и золоченіе иконостасовъ.

- 2) Въ Москвѣ, въ Ивановскомъ жен. мон. Золоченіе кіотовъ.
- 3) Въ Зачатіевскомъ жен. монастырѣ, въ Моск. Стѣнная роспись.
- 4) Въ селѣ Гжелѣ, Моск. г. Роспись храма и трехъ престольный золоченый иконостасъ.
- 5) Въ селѣ Карповѣ, Моск. губ. Роспись храма и трехъ-престольный золоч. иконостасъ.
- 6) Въ г. Сарапулѣ, Вятской г., Покров. ц. Роспись храма.
- 7) Въ посадѣ Березнеговатомъ, Херс. г. Трехъ-престольный иконостасъ. ИМИТАЦІЯ и роспись храма
- 8) Въ стан. Акишевской, Донской обл. Иконостасъ ИМИТАЦІЯ съ икон.
- 9) Въ г. Бійскѣ. Томс. г., Александро-Невская ц. Иконостасъ ИМИТАЦІЯ съ иконами.
- 10) Въ пос. Нѣженскій. Иконостасъ ИМИТАЦІЯ съ иконами.
- 11) Въ г. Орель. Иконостасъ ИМИТАЦІЯ, съ древними иконами.
- 12) Въ г. Самарѣ Губ. Земс. больн. Золоченый иконостасъ съ икон.
- 13) Въ село Фошню, Орловской г. Золоченый иконостасъ и роспись храма.
- 14) Въ село Становой Колодезь, Курской г. Иконостасъ ИМИТАЦІЯ.
- 15) Въ г. Кологривѣ, Костромской г. ИМИТАЦІЯ и иконы.
- 16) Въ имѣніи Отрадное Д. Об., по заказ. Батырева. Иконы въ иконостасъ и во многія другія мѣста Россіи, Сибири и Кавказа.

Т е к у щ і я р а б о т ы :

- 1) По заказу Москов. Митропол. Владимира, на его родинѣ въ селѣ Новыхъ Выселкахъ, Тамбовской губ. Роспись храма.
- 2) Въ г. Симбирскѣ, въ Вознесенскомъ Соборѣ. Роспись храма.
- 3) Въ Москвѣ, на Благушу трехъ-престольный иконостасъ ИМИТАЦІЯ.
- 4) Въ с. Смоленку, Оренб. г. Иконостасъ ИМИТАЦІЯ.
- 5) Въ пос. Усердненскій. Иконостасъ ИМИТАЦІЯ.
- 6) Въ село Зыбино, Орловской г. Дубовый иконостасъ.
- 7) Въ село Курганъ, Саратовской г. Золоченый иконостасъ и во многія другія мѣста.

РОЯЛИ И ПИАНИНО

ПРИДВОРНЫХЪ ПОСТАВЩИКОВЪ

и знаменитѣйшихъ въ мѣръ фабрикъ

Бехштейнъ, Блютнеръ, Гетце, Бр. Дидерихсъ, Менцель, Оффенбахеръ, К. М. Шредеръ и др.

Допускается рѣзрочка матерей.

ГРАММОФОНЫ

БЕЗРУДРОВЫЕ отъ 40 рублей.

Фабр. Ант. О-ва Граммофонъ отъ 45 р.

въ 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 110 руб. и дороже.

1. ОСЛЕДНИХЪ МОДЕЛЕЙ

СОЛИДНОЙ КОНСТРУКЦИИ

ПАТЕ-ГРАММОФОНЫ съ мембраной, играющей какъ граммофонная, такъ и патефон. пластинки, отъ 18 р.

Колоссальный выборъ пластинокъ.

Каталоги—по требованію.

Музыкальный магазинъ „ЭХО“.

И. Г. ШУГАМЪ

Воронежъ Больш. Дворянская д. Пуле.

Телефонъ № 362.

Съжия струны, ноты всяка изданій, всевозмож. музыкальные струнные и металлич. инструменты.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ С. И. КЛЯЧКО.

Лечение, пломбированіе зубовъ. Искусственные зубы.

Для г.г. духовныхъ и ихъ семействъ вполнѣ доступныя условія.

Воронежъ, Большая Дворянская, д. Шуклина, № 36.

(20-52)

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Святитель Тихонъ Задонскій.—*Тихона Олейникова.*

Юбилейный актъ въ память 50-лѣтія со дня открытія св. мощей Свят. Тихона.—*С. А. К.*

5-е Октября въ Задонскѣ Тихоновскомъ духовномъ училищѣ.—*С. Н. К.*

Слово по случаю пятидесятилѣтія со дня кончины поэта И. С. Никитина.—
Священникъ *Василія Милованова.*

Вѣнокъ на памятникъ Ивану Саввичу Никитину—Воронежскому поэту.—
Бывшаго соминариста *Н. Н.*

Памяти И. С. Никитина. (Стихотвореніе).—*Татьяны Плохихъ.*

Отрывки.—*И. П.*

Жертва слѣпой на стипендію имени о. Іоанна Кронштадтскаго.—Ректора Воронежской Духовной Семинаріи Протоіерея *Николая Околовича.*

Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ.*

Печатать дозволяется. 23 октября 1911 г. И. д. Цензора Прот. Г. Алферовъ.

Воронежъ. Типо Лит. «Т-ва Н. Кравцовъ и К^о», Б. Дворянская ул., д. Стодль.